

**НЕОЛИТ ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ И ПРИИРТЫШЬЯ:
НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ**

B. C. Мосин

**THE NEOLITHIC OF FOREST-STEPPE TRANSURALS AND IRTYSH AREA:
LATEST RESEARCHES AND PERIODIZATION**

V. S. Mosin

Последние годы в вопросе о неолитизации Зауралья две основные концепции противостоят друг другу: последовательность традиций кошкино-боборыкино по В. Т. Ковалевой и боборыкино-кошкино по В. А. Заху. Козловские комплексы раннего неолита (В. Т. Ковалева) отнесены к позднему неолиту вместе с полуденковскими материалами (В. А. Зах). Собственно гребенчатая традиция декорирования посуды стала рассматриваться как компонент самого позднего (финального) неолита или же уже как часть энеолита. Обе концепции основывались на порой противоречивых стратиграфических ситуациях и единичных (иногда тоже противоречивых) радиоуглеродных датах. Целью работы является попытка рассмотреть периодизацию неолита указанных регионов с учетом новых данных радиоуглеродного датирования. На основании анализа всех имеющихся в данный момент радиоуглеродных дат можно констатировать, что неолитический период Зауралья, в целом, укладывается в рамки VI – V тыс. до н. э. и условно может быть разделен на два этапа: ранний неолит (кошкинская и коловская традиции) – конец VII – VI тыс. до н. э. и поздний неолит (полуденская и боборыкинская традиции) – V тыс. до н. э. В периодизации лесостепного Прииртышья мы можем наметить два этапа: ранний, представленный пока единичными материалами с посудой неорнаментированной и декорированной отступающее – накольчатой техникой и поздний – с двумя традициями – боборыкинской и артынской.

Recently, the issue of neolitization of Transurals is dominated by two basic concepts that are opposed to each other: the sequencing of traditions as Koshkino-Boborykino by V. T. Kovaleva and as Boborykino-Koshkino by V. A. Zakh. Kozlovo complexes of early Neolithic (by V. T. Kovaleva) are attributed to the late Neolithic with Poludenka materials (by V. A. Zakh). The comb tradition of decorating ceramic pots has been regarded as a component of the late (final) Neolithic or already as part of the Aeneolithic. Both concepts are based on sometimes contradictory stratigraphic situations and single (also sometimes contradictory) radiocarbon dates. The goal is to attempt to consider the periodization of the Neolithic in these regions, in accordance with the new data of radiocarbon dating. Based on the analysis of all the available radiocarbon dates we can say that the Neolithic period of the Transurals was generally within VI – V millennia BC. and included two phases: the Early Neolithic (Koshkino and Kozlovo tradition) – the end of the VII–VI millennia BC, and the Late Neolithic (Poludenka and Boborykino tradition) – V millennium BC. In the forest-steppe Irtysh area periodization we can identify two stages: the Early Neolithic with single artifacts from burials and the Late Neolithic with two traditions – Boborykino and Artysh.

Ключевые слова: неолит, Зауралье, Прииртышье, радиоуглеродные даты, керамические традиции.

Keywords: Neolithic, Transurals, Irtysh area, radiocarbon dates, ceramics traditions.

На протяжении 60-х – 80-х гг. XX в. для неолита Зауралья применялась трехчленная периодизация, разработанная В. Н. Чернецовым, О. Н. Бадером и В. Ф. Старковым [30; 1; 27]. Поскольку радиоуглеродных дат почти не было, основанием для деления на этапы, служили представления ученых об эволюции морфологии, техники декорирования и стилистики декора керамической посуды: от прочерченной и отступающе-накольчатой к прочерченно-гребенчатой и гребенчатой. Ранний неолит ассоциировался у исследователей с керамикой декорированной волнисто-накольчатым орнаментом, происходившей, в основном, с памятников козовского этапа, средний или развитый неолит полуденского этапа – с посудой, украшенной волнисто-гребенчатым орнаментом, к позднему этапу неолита исследователи бесспорно относили гребенчатые комплексы сосновоостровского типа.

Весьма оригинальную по тем временам концепцию зауральского неолита во второй половине 80-х гг. предложила В. Т. Ковалева. Отмечая своеобразие кошкинских и козовских керамических комплексов, она рассмотрела материалы с точки зрения двух различных, параллельных культурных традиций. В таком

варианте козовская и полуденковская культуры представляли автохтонную линию развития, а линию с участием мигрантов с юга – кошкинская и боборыкинская культуры. Неолит делился на две стадии: ранний этап – памятники с прочерченно-накольчатой техникой декорирования посуды (козовская и кошкинская), поздний — полуденковская и боборыкинская культуры. Сосновоостровские памятники, ранее считавшиеся поздним неолитом, были отнесены к энеолиту [11]. Позднее концепция была более тщательно проработана и уточнена. Миграцию носителей кошкинской традиции В. Т. Ковалева и С. Ю. Зырянова связали с орловским, кайршакским и джангарским населением Нижнего Поволжья и Прикаспия [12, с. 109, 112]. Было подчеркнуто, что кошкинская и боборыкинская традиции абсолютно не связаны между собой и появление боборыкинского населения в Зауралье связано с миграцией из Северной Месопотамии и Кавказа [13, с. 273 – 290].

Еще более оригинальная концепция развития неолита Тоболо-Ишимья (по сути, речь идет обо всей территории Зауралья, поскольку активно использованы все зауральские материалы) была разработана в

конце XX – начале XXI вв. В. А. Захом [8]. По его мнению, ранний неолит региона представлен комплексами боборыкинской культуры, включавшей два этапа: боборыкинский и кошкинский, датирующиеся VI – первой половиной V тыс. до н. э. (некалиброванные значения). Формирование как отступающе-прочерченной орнаментальной традиции, представленной боборыкинской культурой, так и ранней гребенчатой, автор связывает с мигрантами, у которых аборигены перенимали навыки изготовления посуды, из районов Прикаспия и Приаралья в горно-лесное Зауралье, лесостепное Приишимье, Прииртышье и далее в Барабу. Первый период позднего неолита в Притоболье, со второй половины V по первую треть IV тыс. до н. э., представлен полуденковской культурой с козловским и полуденковским этапами. При этом козловские керамические комплексы являются переходными между кошкиными и полуденскими. В Приишимье в этот период формируется кокуйская культура, керамический комплекс которой представлен круглодонными сосудами с отступающе-гребенчато-ямочным орнаментом. Во второй период позднего неолита – со второй до последней трети IV тыс. до н. э., на смену полуденковской культуре приходит сосновоостровская с посудой, орнаментированной в гребенчатой традиции. В Приишимье продолжает развиваться кокуйская культура [8].

Считаю необходимым сделать замечание по поводу обеих вышеупомянутых концепций раннего неолита: неоднократное обращение непосредственно к керамическим коллекциям Нижней Волги, Прикаспия и того же Ракушечного Яра, а также длительное и многообразное обсуждение этой проблемы с И. Н. Васильевой и А. А. Выборновым, досконально знающим различные составляющие этих материалов, позволяют сделать заключение, что ни кошкинская, ни боборыкинская, и, уж тем более, гребенчатая посуда – никакого отношения к технологии и стилю декора керамики Прикаспия, Нижней Волги и Кавказа абсолютно не имеют.

Периодизация неолита Прииртышья, была создана в начале 1970-х гг. работами археологов УрГУ под руководством В. Ф. Генинга. Выделенная среднеиртышская культура делилась на два этапа: ранний – кокуйский с посудой декорированной горизонтальными рядами отступающей палочки или гребенчатых оттисков, разделенных рядами круглых, овальных или иной формы ямок; поздний этап характеризовался материалами гребенчато-ямочной орнаментальной традиции Екатерининской и Артынской стоянок [6]. Позднее эта схема на основании анализа материалов поселения Кокуй 1, была пересмотрена А. И. Петровым [24; 25], который предположил, что «поселения с гребенчато-ямочной керамикой екатерининского типа в целом существовали ранее поселений с линейно-накольчатой керамикой артынского типа и керамикой, орнаментированной шагающей гребенкой» [25, с. 70]. В екатерининской культуре с гребенчато-ямочной керамикой он выделяет два этапа: собственно екатерининский позднего неолита и александровский – энеолита.

В последние годы на территории Центральной Барабы В. В. Бобровым и его учениками А. Г. Марочкиным и А. Ю. Юраковой на материалах опорного памятника для неолита региона – поселения Авто-

дром 2/2 выделено два этапа неолита – боборыкинский и артынский. Стратиграфически установлено, что артынский комплекс (определенно позднеэнеолитический) позднее боборыкинского, хронология которого в Прииртышье пока не совсем ясна [2, с. 14 – 19; 3, с. 211 – 214].

Огромный интерес вызывают исследования коллективом под руководством В. И. Молодина могильников эпохи неолита Сопка 2/1 и Венгерово-2А. Найденные в погребениях небольшие остродонные сосуды, неорнаментированные и декорированные отступающей палочкой, а также круглодонный сосуд грушевидной формы, тоже с декором отступающей палочкой, позволяют говорить о раннем возрасте и автохтонности отступающе-прочерченной традиции западносибирского неолита. Определить место этих материалов в периодизационной колонке пока сложно. По мнению авторов, архаизм каменного инвентаря, отличающегося от традиционного западносибирского, позволяет предполагать достаточно ранний возраст комплекса, в любом случае, не моложе конца VI – V тыс. до н. э. Об автохтонности комплекса свидетельствуют и антропологические параметры трех черепов [20; 21, с. 117 – 122; 22, с. 302 – 306].

Таким образом, в первом десятилетии XXI в. в изучении неолита интересующих нас регионов сложилась следующая ситуация. В Зауралье (восточные склоны Урала и Притоболье) к раннему неолиту отнесены кошкинский и козловские (кокшаровско-юринские, евстюнихские) комплексы, к позднему неолиту – полуденские и боборыкинские комплексы (по В. Т. Ковалевой), или, к раннему – боборыкинские и кошкинский, а к позднему – козловские, полуденские и сосновоостровские (по В. А. Заху). По сути, это означает полный отказ от предшествующих трехчленных периодизаций и перенос материалов, ранее относимых к развитому неолиту в поздний. Собственно гребенчатая традиция декорирования посуды стала рассматриваться как компонент самого позднего (финального) неолита или же уже как часть энеолита. В Прииртышье и Барабе ранний неолит пока неизвестен, к позднему неолиту относят артынский комплекс, ямочно-гребенчатая традиция рассматривается как энеолитическая. Хронологическая позиция боборыкинских комплексов и керамических материалов из могильников не была окончательно определена. Целью работы является попытка рассмотреть периодизацию неолита указанных регионов с учетом новых данных радиоуглеродного датирования.

Массовое датирование органических остатков в керамике сначала в радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН г. Киева под руководством Н. Н. Ковалюха, а затем в лаборатории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена под руководством М. А. Кульковой позволило создать для неолита Зауралья начальную базу данных, включавшую около сотни радиоуглеродных дат [5, с. 33 – 48]. Анализ полученных результатов позволил сделать вывод о том, что неолитический период Зауралья и Притоболья, в целом, укладывается в рамки VI – V тыс. до н. э. и условно может быть разделен на два этапа: ранний неолит – конец VII – VI тыс. до н. э. (cal BC) и поздний неолит – V тыс. до н. э. (cal BC). Ранний не-

олит – с начала VI тыс. до н. э. связан с кошкинской и козловской гончарными традициями, характеризующимися преимущественно накольчатой и прочерченной техникой декорирования, при очень ограниченном употреблении и зубчатого орнамента. Поздний неолит региона представлен полуденской и гребенчатой традициями, сосуществующими с басыновско-боборькинской традицией [23, с. 317 – 321].

В последнее время были получены и новейшие данные, позволяющие скорректировать существующие периодизационные схемы. Так, в лаборатории РГПУ им. Герцена было получено пять радиоуглеродных дат по неолитической керамике с поселения Кочегарово I, еще две даты по керамике с этого же поселения были получены в университете Аризоны (Тусон). Наиболее раннее значение 6073 ± 100 (SPb-1272) получили фрагменты от сосуда закрытой формы с подтреугольным хорошо выраженным напльвом. Орнамент геометрический, выполнен цепочками отступающих наколов в виде поясов заштрихованных треугольных зон, разделенных горизонтальными линиями. По срезу венчика также нанесены насечки. Следующее значение принадлежит фрагментам от тонкостенного (0,4 – 0,6 см) сосуда из хорошо промешанного теста с небольшой долей песка в качестве примеси. Обжиг равномерный, желтого и светло-желтого цвета; на внутренней стороне перекрыт слоем нагара. Поверхность хорошо заглажена (замыта?). Сосуд закрытой формы с округлым слабо выраженным напльвом и отогнутым венчиком. Орнамент выполнен тонкими волнистыми линиями – строенные вертикальные линии разбивают верхнюю часть сосуда на орнаментальные зоны, заштрихованные наклонными волнистыми линиями. Дата – 5952 ± 100 (SPb-1269). Фрагменты от сосуда закрытой формы с подтреугольным хорошо выраженным напльвом, с орнаментом геометрическим, выполненным прочерчиванием в виде поясов заштрихованных треугольных зон, разделенных горизонтальными волнистыми линиями, получил дату 5817 ± 130 (SPb-1273_1). Дата фрагмента придонной части сосуда с разреженным декором: прочерченные волнистые линии (4–5) образуют горизонтальный пояс, от которого отходят отдельные вертикальные линии – 5878 ± 120 (SPb-1274_1). Интересна дата, полученная для сосуда закрытой формы с низко опущенным и слабо выраженным напльвом. Орнамент монотонный, линейно-горизонтальный, в виде наклонных отгисков тонкого гребенчатого штампа из 8 – 10 зубцов, покрывающих всю внешнюю поверхность сосуда и напльв. Срез венчика украшен насечками – 5815 ± 150 (SPb-1271). Сосуд был найден в заполнении ямки в полу неолитического жилища. Одна дата для типичного сосуда козловской традиции оказалась неприемлемо поздней – 4115 ± 100 (SPb-1270). Даты, полученные по керамике в университете Аризоны, наоборот показались несколько заниженными. Так, один образец – с сосуда закрытой формы с отогнутым наружу венчиком и подтреугольным напльвом. Фрагмент с серой и коричневой внешней поверхностью и черного от нагара цвета внутренней стороной. Поверхность заглажена, в тесте примесь песка. Орнамент сплошной, линейно-горизонтальный: тонкие волнистые линии (3 – 4) чередуются с цепочками наколов. Дата – 6619 ± 38

(AA104959). Другой образец – от венчика сосуда закрытой формы с подтреугольным напльвом. Фрагмент со светло-коричневой внешней поверхностью и черного от нагара цвета внутренней стороной. Поверхность заглажена, в тесте примесь песка. Орнамент сплошной, линейно-горизонтальный: тонкие волнистые линии. Лишь по венчику нанесен ряд насечек. Дата – 6539 ± 41 (AA104958). Тем не менее, несмотря на некоторый разброс радиоуглеродных значений, все сосуды (пожалуй, за исключением тонко гребенчатого, который представляет гребенчатый зауральский неолит) относятся к типичной козловской традиции и их датировки не выходят за рамки наших сегодняшних представлений.

Очень интересной, с точки зрения периодизации неолита, оказалась дата боборькинского сосуда с горизонтальными линиями круглых наколов с поселения Юртобор 3 – 6064 ± 100 (SPb-1275). Первые три даты были получены для боборькинского комплекса поселения Автодром 2/2 в Барабе. Их значения в интервале 5967 – 5748 ВР подтверждают наши представления о поздненеолитическом возрасте этой традиции. Важным было и получение представлений о возрасте артынского комплекса этого же поселения: 5914 – 5342 ВР. Нижняя дата кажется очень древней для этих материалов, но, несомненно, нужны дополнительные исследования.

Обратимся к периодизации неолита региона, как она представляется в данный момент. Даты, полученные в последние годы для различных типов неолитической керамики Зауралья, позволяют представить достаточно дробную раскладку на временной шкале (таблица).

В таблице все радиоуглеродные значения представлены в системе (ВР), что позволяет рассмотреть некоторые нюансы расположения различных традиций и их вариантов относительно друг друга. Калибровка в таком варианте затруднительна, поскольку некоторые позиции представлены малым количеством дат. В любом случае, при калибровке традиции раннего неолита занимают VI тыс. до н. э., позднего неолита – V тыс. до н. э.

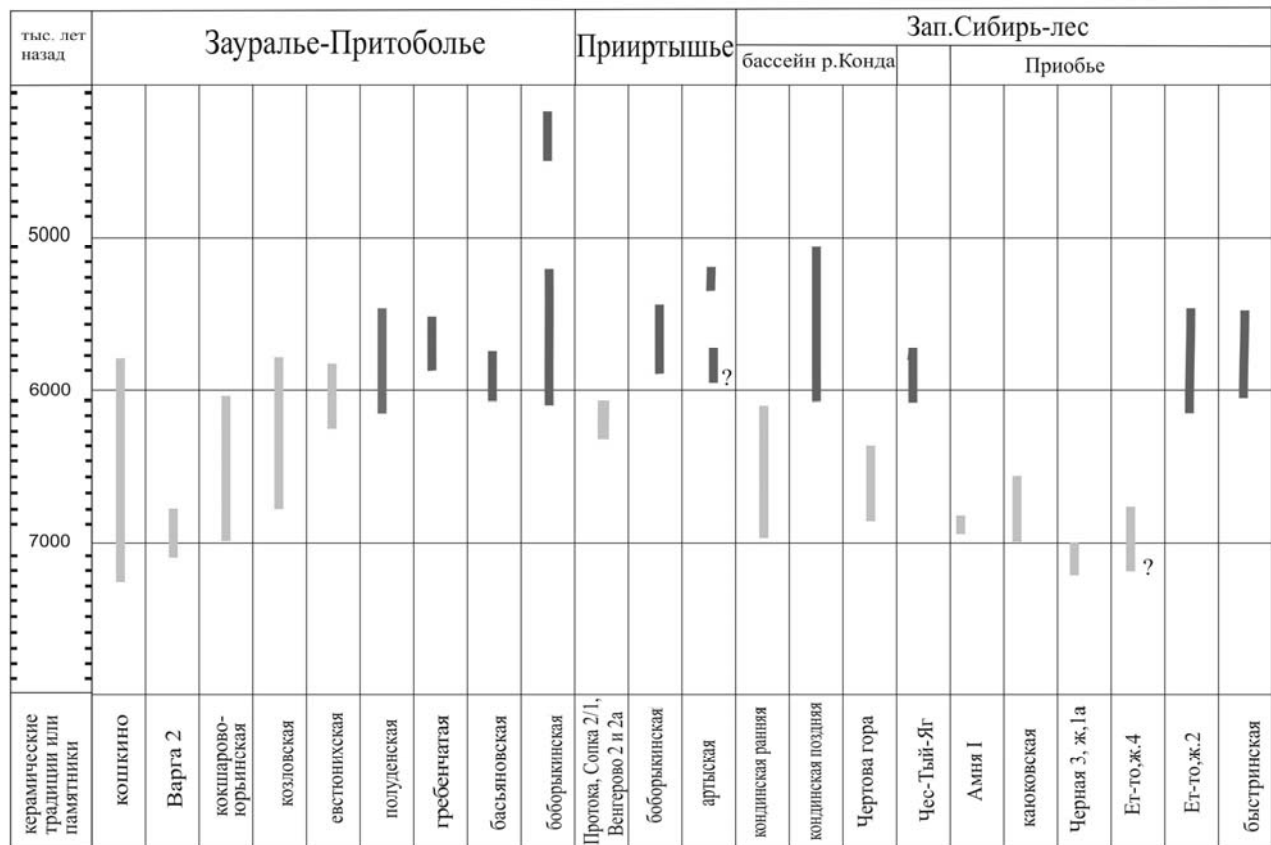
В настоящее время для неолита Зауралья выделено восемь типов керамики, которые, на наш взгляд, являются вариантами четырех основных традиций: кошкинской, козловской, полуденской, боборькинской. Наиболее ранней представляется кошкинская традиция, нижняя дата которой сегодня – 7325 ± 40 (KIA-42074), получена с Береговой II торфяниковой стоянки [32, р. 783 – 794]. Однако нужно учитывать, что эта дата получена по нагару и может быть удревненной от 200 до 1000 лет (устное сообщение М. А. Кульковой) из-за резервуарного эффекта, связанного с приготовлением рыбной пищи. Далее следует козловская традиция, состоящая из трех вариантов: кокшаровско-юринского, козловского и евстюнинского. Хронологический приоритет имеет кокшаровско-юринский вариант, нижняя дата которого – 6950 ± 80 (Ki-15914) получена с Кокшаровского холма [31, с. 249 – 254]. Однако, есть факт, показывающий синхронность существования кошкинской и кокшаровско-юринской посуды – это находки обоих типов в слое стоянки Варга 2, имеющем шесть дат, ранняя из которых – 7106 ± 35 (AAR-14837), однако,

тоже полученная по нагару на сосуде [7]. Далее следуют собственно козловская посуда с нижней датой – 6619 ± 38 (AA104959) по нагару (!) с поселения Кочегарово I и евстюнхская, с датой – 6320 ± 90 (Ki-16039), полученной для сосуда с прочерченным орнаментом с поселения Евстюниха I. Безусловно, по всем морфологическим и декоративным показателям все три варианта относятся к одной традиции и их разли-

чия могут иметь хронологические, поскольку традиция существовала на протяжении всего 6-го тыс. до н. э. (cal BC), территориальные или социальные (приоритетные направления связей) причины. Проведенная калибровка и анализ сумм вероятностей позволяют относить кошкинскую и козловскую традиции к раннему неолиту [5, с. 33 – 48].

Таблица

Хронология неолита Урал-Западная Сибирь (BP)

Условную грань между ранним и поздним неолитом можно провести на рубеже VI и V тыс. до н. э. (cal BC). Условность разделения этапов неолита заключается в том, что традиции раннего неолита “заходят” на два-три века в V тыс. до н. э., а традиции позднего неолита – в конец VI тыс. до н. э., то есть, период сосуществования практически всех традиций неолита Зауралья составляет до 300 лет.

Наиболее раннюю дату для позднего неолита получила керамика басьяновского варианта боборыкинской традиции со стоянки Второй поселок I – 6210 ± 90 (Ki-16862), собственно боборыкинские даты начинаются со значения – 6064 ± 100 (SPb-1275) для керамики с поселения Юртобор 3. Полуденская традиция также имеет два варианта – собственно полуденский, который представлен посудой с декором, выполненным оттисками, “шаганием” и протаскиванием зубчатого штампа в сочетании с использованием отступающего накола и гребенчатым, в котором преобладают оттиски и “шагание” зубчатого (гребенчатого) штампа. Этот вариант ранее относили к самому “позднему гребенчатому неолиту”, однако, радиоуг-

леродное датирование показало практическую одновременность обоих вариантов. Так, самая ранняя дата для “классического” варианта полуденского варианта – 6095 ± 80 (Ki-15644) с посуды стоянки Краснокаменка, для гребенчатого варианта – 5930 ± 80 (Ki-15965) с поселения Гилево VIII. Оба варианта заканчивают свое существование 5590 ± 195 (LE-1286) – Карьер II – 5560 ± 120 (СОАН-6127) – Сосновый остров. Технологический анализ керамики разных традиций позднего неолита показал, что навыки составления формовочных масс полуденских гончаров с одной стороны наследуют козловским традициям, с другой – аналогичны басьяновским, которые непосредственно связаны с боборыкинской, что может указывать на вероятность периода сосуществования и взаимодействия гончаров разных традиций [4, с. 122 – 123].

Периодизация неолита лесостепной Барабы пока не так очевидна, но имеющиеся пока немногочисленные радиоуглеродные даты позволяют сделать предварительные выводы (таблица). Наиболее ранними на сегодняшний день представляются материалы могильников Сопка 2/1 и Венгерovo 2 и 2а. В материалах

могильника Сопка 2/1, погр. 329 мы видим один сосуд полностью неорнаментированный, другой с небольшой декорированной зоной возле дна с гладкой чашкой и ямочными наколами, а в погр. 342 – сосуд с отступающее-накольчатый орнаментом [20, с. 18 – 19]. Еще одно погребение неолита с сосудом декорированным в отступающее-накольчатой технике зафиксировано на памятнике Венгеро 2 [21, с. 117 – 122]. На территории Зауралья и Западной Сибири неорнаментированные сосуды встречаются только в комплексах раннего неолита с посудой декорированной в отступающее-накольчатой технике. О ранне-неолитическом возрасте данных погребений говорят и радиоуглеродные даты, полученные для могильника Протока, с которым авторы синхронизируют материалы Венгеро 2а: 6220 ± 80 (СОАН-2699) и 6355 ± 200 (СОАН-2700), а также и даты погребального комплекса Венгеро-2: СО АН-8738 – 5363 – 5001 г. до н. э. и СО АН-8739 – 5358 – 4864 г. до н. э. (cal BC), т. е. около 6300 – 6100 л. н. [20, с. 27; 21, с. 117 – 122; 22, с. 302 – 306]. Таким образом, считаю возможным отнесение указанных комплексов к концу раннего неолита.

Поздний неолит лесостепной Барабы также как и в Зауралье представлен двумя традициями: боборыкинской и артынской. Наиболее ранняя дата для боборыкинской посуды получена с поселения Автодром 2/2 – 5967 ± 100 (SPb-1277). К ней близка и артынская дата с Автодрома 2/1 – 5914 ± 150 (SPb-1280_1), однако данные стратиграфии показывают более поздний возраст артынского комплекса, поэтому более вероятно другая дата с этого памятника – 5342 ± 100 (SPb-1282). Таким образом, предварительно мы можем наметить и периодизацию лесостепного Прииртышья с двумя этапами: ранним, представленным пока единичными материалами с посудой неорнаментированной и декорированной отступающее – накольчатой техникой и поздним – с двумя традициями – боборыкинской и артынской.

В лесной зоне Западной Сибири ситуация складывается следующим образом. Интересующую нас территорию можно разделить на два региона с близкими, но все же отличающимися друг от друга гончарными и декоративными традициями – бассейн р. Конда, где в раннем неолите присутствуют уральские компоненты и Приобье. В данный момент для

этих территорий известно около 100 радиоуглеродных дат, которые позволяют составить предварительную периодизацию (табл.). В раннем неолите бассейна р. Конда керамические традиции на поселениях Усть-Тетер 1, Большая Умыгтя 8, Шоушма 10, а также, вероятно, Сумпанья II, IV, VI, Леуши VII, представлены местной кондинской традицией в комплексе с уральскими компонентами кошкинского и кокшаровско-юрьянского облика [14, с. 32 – 44; 19, с. 80 – 99; 10, с. 497 – 524]. К этим комплексам можно отнести и материалы памятника Чертова Гора [26, с. 153 – 161; 8], которые называют “кошкинскими”, однако, судя по публикациям, керамический комплекс памятника очень разнообразен и пока типологически полностью не прояснен. Хронологические рамки раннего неолита – 7000 – 6100 л. н. (ВР). Поздний неолит Кондинского бассейна представлен керамическими комплексами кондинской традиции и очень близкой коллекцией поселения Чес-Тый-Яг [28, с. 345 – 354; 18, с. 17 – 32; 10, с. 497 – 524]. Хронологические рамки позднего неолита – 6200 – 5200 л. н. (ВР).

В керамических коллекциях Приобья компонент уральских традиций уже полностью отсутствует и видимая похожесть керамики с отступающее-накольчатой и прочерченной техникой орнаментации носит эпохальный характер. К раннему неолиту региона относятся комплексы с прочерченной, отступающее-накольчатой и гребенчатой техникой декорирования керамики поселений Амня I, Каюково 2, Мишкино 5, Черная 3, ж. 1а, Ет-то, ж. 4 [18, с. 17 – 32; 15, с. 301 – 307; 16, с. 243; 9, с. 112 – 122; 17, с. 199 – 217]. Радиоуглеродные даты – от 7200 до 6600 л. н. (ВР). Поздний неолит региона пока можно связать только с быстринской традицией и керамикой поселения Ет-то, жилище 2. Даты позднего неолита – 6200 – 5600 л. н. (ВР). О датировках поселений и жилищ с Барсовой горы говорить что-то определенное пока затруднительно, поскольку жилищные комплексы содержат посуду разных традиций и разброс дат составляет более тысячи лет [18, с. 17 – 32; 29, с. 247 – 249].

Таким образом, можно констатировать, что неолитические комплексы лесостепного Прииртышья (Барабы), даже по предварительным данным, полностью соответствуют хронологическим и периодизационным схемам Урало-Сибирского региона.

Литература

1. Бадер О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР / МИА. 1970. № 166. С. 157 – 171.
2. Бобров В. В., Марочкин А. Г. Хроностратиграфия неолитических комплексов поселения Автодром 2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 17. С. 14 – 19.
3. Бобров В. В., Юракова А. Ю. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань: Отечество, 2014. С. 211 – 214.
4. Васильева И. Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАУ. Вып. 26 / отв. ред. Ю. П. Чемякин. Екатеринбург; Сургут: изд-во Магеллан, 2011. С. 103 – 124.
5. Выборнов А. А., Мосин В. С., Епимахов А. В. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. Вып. 1(57). С. 33 – 48.
6. Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. [и др.]. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблема хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 12 – 51.
7. Жилин М. Г., Антипина Т. Г., Зарецкая Н. Е., Косинская Л. Л., Косинцев П. А., Панова Н. К., Савченко С. Н., Успенская О. Н., Чаиркина Н. М. Варга 2. Ранне-неолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). Екатеринбург, 2007. 98 с.

8. Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Иртышья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
9. Ивасько Л. В. О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Уральское издательство, 2008. С. 112 – 122.
10. Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А. Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн р. Конды): полевые исследования 2007 – 2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М.: ИА РАН, 2012. С. 497 – 524.
11. Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: УрГУ, 1989. 80 с.
12. Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // ВАУ. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 73 – 113.
13. Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учебная книга, 2010. 308 с.
14. Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири: сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 32 – 44.
15. Косинская Л. Л. Проблемы хронологии западно-сибирского неолита: (К вопросу о роли радиоуглеродного датирования) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2004. С. 301 – 307.
16. Косинская Л. Л. Радиоуглеродные датировки памятников амнинского культурного типа // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Екатеринбург; Сургут: издательство Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 243.
17. Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Неолитические комплексы селища Черная 3 // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 199 – 217.
18. Косинцев П. А., Бобковская Н. Е., Беспрозванный Е. М. Радиоуглеродная хронология археологических памятников таежной зоны Западной Сибири // Ханты-мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2004. С. 17 – 32.
19. Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. Екатеринбург: УрГУ, 1991. С. 80 – 99.
20. Молодин В. И. Памятник Сопка 2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИА ЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.
21. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Орлова Л. А. Уникальный погребально-ритуальный комплекс эпохи неолита в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 117 – 122.
22. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Пилипенко А. С., Трапезов Р. О. Неолитический погребальный комплекс Венгерова 2а в Западной Барабе: результаты междисциплинарных исследований // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 302 – 306.
23. Мосин В. С. Неолит Зауралья: хронология и социокультурное пространство // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 317 – 321.
24. Петров А. И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1986. 18 с.
25. Петров А. И. Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири: (История и археология). Омск: Изд-во ОмГУ, 1987. С. 4 – 20.
26. Сладкова Л. Н. Предварительные итоги полевых исследований 1988, 2003, 2004 гг. на Чертовой Горе в Кондинском районе ХМАО - Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2007. Вып. 4. С. 153 – 161.
27. Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М: Наука, 1980. 220 с.
28. Тимофеев В. И., Зайцева Т. И. Проблемы абсолютной хронологии // Археология. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 345 – 354.
29. Чемякин Ю. П. Радиоуглеродные даты памятников Барсовой Горы // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 247 – 249.
30. Чернецов В. Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 41 – 53.
31. Шорин А. Ф., Шорина А. А. Радиоуглеродные даты Кокшаровского холма // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Екатеринбург; Сургут: издательство Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 249 – 254.
32. Zaretskaya N. E., Hartz S., Terberger T., Savchenko S. N., Zhilin M. G. Radiocarbon chronology of the Shigir and Gorbunovo archaeological bog sites, Middle Urals, Russia. Radiocarbon. 2012. Vol. 54. № 3 – 4. P. 783 – 794.

Информация об авторе:

Мосин Вадим Сергеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, директор Южно-Уральского государственного университета (НИУ), mvs54@mail.ru.

Vadim S. Mosin – Doctor of History, Leading Research Associate at the South Ural branch of Institute of History and Archeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences; Director at South Ural State University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.